

18+

Надежда
Нелидова

Яна,
Дайяна
Марьяна

Надежда Нелидова
Яна, Дайяна, Марьяна

«Издательские решения»

Нелидова Н.

Яна, Дайяна, Марьяна / Н. Нелидова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509734-7

Стояли три извечных вопроса: «Кто виноват?», «Что делать?» и «Куда девать тело?» Как всегда, решать пришлось слабой женщине.

ISBN 978-5-00-509734-7

© Нелидова Н.
© Издательские решения

Содержание

ТРИ ГРАЦИИ	6
СКАЗКА ПРО БЕЛОГО БЫЧКА	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Яна, Дайяна, Марьяна

Надежда Нелидова

© Надежда Нелидова, 2021

ISBN 978-5-0050-9734-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТРИ ГРАЦИИ

– И куда в такую рань? Целый лишний час могли поспать.

Кира смотрит в зеркальце, разминает, похлопывает щёки, подбородок. Психологи пишут: женщина не должна вставать по звонку будильника. Никто и ничто в этом мире не смеет будить Её Величество Женщину – это огромный стресс для дамской нежной душевной организации, эмоциональное выгорание, морщины и раннее старение.

Немного поспорили, кто где сядет. Ася Петровна, на правах старшей – рядом с водителем. Это трон, неприкосновенное место, и никто, кроме неё, не смеет его занимать. На заднем сиденье Асю Петровну тошнит, у неё прыгает сахар, поднимается давление и кружится голова. Три с половиной часа придётся наблюдать её важно покачивающуюся курчавую шапку, похожую на папаху Хаджи Мурата.

Самое безопасное место – сзади за пассажирским. Туда юркнула хитрюшка Лялька. Практичная Кира просит водителя Славу забросить в багажник большую сумку: при каждой оказии она возит передачу сыну со снохой.

«Ну, с богом!». Все трое истово крестятся на прикреплённую к панели иконку-триптих и болтающуюся на водительском зеркале подвеску с Николаем Чудотворцем. Заслуженные счетоводщи муниципального ООО, по поручению отдела, едут в область отмечать День бухгалтера. «Наши три грации», – напутствовал директор.

Довольно странно, что в календаре для столь важного профессионального праздника не нашлось воскресенья. Но хитрые бухгалтера не остались в накладе, выгадав себе целый нерабочий день среди недели.

С утра в управлении суматоха, шелестят обновки, витают туманы и ароматы духов и коньяка. Сначала торжественная часть, потом шикарный обед, а на вечер снят загородный гостиничный комплекс с домиками, сауной и бассейном. Работяги из цехов бросают мрачные взгляды на задёрнутые шторами окна, откуда доносятся тосты, приглушённая музыка... «У, кровопийцы, нехристи! Среди бела дня...»

Итак, трём подругам, на правах старейших работниц, оказана честь. От имени коллектива они скажут на поздравление ответное слово, привезут с областного совещания грамоты и ценные подарки. На большой бал не останутся: поздно, да и пить коньяк, заедая жирным мясом с острым соусом – не позволит здоровье. А так хоть прокатятся-проветрятся, полюбуются зимним пейзажем. А Кира, как мы помним, ещё и забросит по пути сыну увесистую сумку.

Грех обижаться: свою норму по крепкому алкоголю все трое выполнили с гаком и с крышечкой. Приходится снимать стресс: работа нервная, вредная, материально ответственная, связанная с крупными суммами и важными документами. «А в документах, – хохочет Лялька, – всё бывает в идеальном порядке, если только они фальшивые».

На того, кто не пьёт наравне с начальством – коллектив смотрит косо. А ну, затеваешь крамолу, наматываешь на трезвый ус чужой пьяный лепет, с целью передачи компромата конкурентам? Начальство откупоривает очередную «Царскую» водку: «Ну, девушки, наложим очередной компрессик на душу?». Душа-то, может, радуется, а печень у далеко не девушек далеко не железная.

Что называется: «вошли в минерально-каменный возраст. В костях – соль, в почках – камни, в мочеточниках – песок, во рту – железо или золото». Эта распечатанная хохма висит у Ляльки над компьютером. У неё там целый иконостас из чужих остроумных цитат.

Но как быстро промелькнули здоровье и молодость: крылышками бяк-бяк. Тосты «за цветущие розы» плавно перетекли в скабрёзное «чтобы елось и пилось, чтоб хотелось и могло» и в традиционное «за здоровычко». На собственный юбилей Лялька вообще опро-

кинула сто грамм со словами: «Если что – так пусть сразу». Очень бестактно со стороны юбилярши, будто могильный холодок пронёсся над застольем.

У Ляльки нет ни мужа, ни детей. У Аси Петровны есть две дочери, но это то же самое, что их нет. Идёт затяжная холодная война, похлеще чем между СССР и Америкой в 70-е. Там хоть для дипломатии, чтобы сохранить хорошую мину, встречались на высшем уровне – а тут со старшей дочкой полный бойкот, с младшей – ругательные звонки. Вот и сейчас Ася Петровна матюкнулась и с треском захлопнула телефон-раскладушку.

– Как чистой ночишки хруст

Матерок из девичьих уст, — немедленно прокомментировала заноза Лялька

– А ты покажи доче завещание, что отписываешь квартиру церкви, – советует Кира, перегибаясь к переднему креслу. – Тряхни у неё под носом: мол, если мать не уважишь...

Каракулевая шапка окаменела, не шелохнётся. Ася Петровна угрюмо молчит. Даже если дети будут принародно катать её ногами по главной площади – она, как всякая русская мать, простит своим неблагодарным кровинушкам всё. Ничего не поделаешь с мягким женским, материнским сердцем.

Она уже писала лже-завещания, навлекала на головы непочтительных детей громы, молнии и проклятия. Грозилась завести компаньонку и подарить квартиру ей. Квартира в престижном районе, просторная, с великолепным видом из окон. Дочь отмахнулась: «Ой, я умоляю, ради Бога!» Она прекрасно знает, что мать блефует.

Кира среди подруг самая молодая. «Соплюха», – называет её Ася Петровна. В 55 лет это самый желанный комплимент. Как пишет любимая Кирина писательница, «пятьдесят – прекрасный возраст. Но это понимаешь в шестьдесят».

Кира строго соблюдает ЗОЖ и следит за весом. В поясе юбки у неё всегда воткнута английская булавка, время от времени слегка покалывающая в бок. Булавка не даст проглотить лишнюю ложку деликатесного салата в застолье, тут же цапнет: «Стоп!» Не нарушай золотое правило: не доел – значит наелся, наелся – значит переел, переел – значит отравился.

Или, допустим, вымотавшаяся после рабочего дня Кира забудется, даст слабинку: согнёт плечи, выпустит животик. Бдительная булавка тут же – торк! Держи осанку! И грудь сама собой браво выпячивается, живот прилипает к позвоночнику, спина распрямляется. Любо-дорого!

Выглядеть Киру обяывает статус новобрачной: муж на тринадцать лет моложе. Он называет её «малыш» и качает на коленях. Но в последнее время, как кот на сметану, начал облизываться на тридцатипятилетнюю безработную соседку Таню. Таня, в коротеньком халате, вечно опивается у Киры в гостях. Часами пьёт на кухне кофе и треплется, закинув ногу на ногу – труссы, извините за выражение, видны.

Кира не отказала Тане от дома. Ещё чего, много чести, она до такого не опустится. И потом, нет опаснее врага, чем бывший друг. Слишком много женских тайн доверено ими друг другу. Не следует торопиться. Правы мексиканские сериалы: месть – это блюдо, которое следует подавать в холодном виде.

Однажды только сорвалась, устроила мужу сцену. Он оправдался, что ревностью раззадоривает жёнушку: когда она психует, то становится такая горячая штучка в постели, отжигает будь здоров.

Сегодня утром Кира допустила промашку.

Не проснувшись до конца, торопливо красилась перед зеркалом в ванной. А наносить макияж на возрастную кожу – это как преодолевать вражескую местность. Особенно коварна зона вокруг глаз – сплошная полоса препятствий. Воронки и ямы, бугры и кочки папиллом, выжженная земля пигментных пятен, противотанковые траншеи складок и морщин, ловчие

сети «куриных лапок» в уголках глаз... Попробуй проведи тончайшей кисточкой ровную, кокетливую путеводительную стрелу – нужна точность снайпера. А скулы, а губы?!

Приходилось несколько раз смывать и начинать сражение по новой. Ну и, впопыхах забыла на подзеркальнике зубной протез. Маленький такой бледно-розовый протезик с тремя влажными перламутринками зубов. И на самом видном месте, здесь муж бреется. Кира даже немножечко похолодела в первую минуту, когда вспомнила.

То есть ничего криминального в этом нет, но звучит ужасно: *вставные зубы. Моя жена носит вставные зубы.* Она тщательно скрывала от мужа любые предательские детали, напоминающие о разнице в возрасте. Зубы хранились в фарфоровой чашке со свежей водой, в запираемой тумбочке. Практически в сейфе.

Вот только эта мысль и портила Кирино настроение. И ещё, что у мужа сегодня отгул, а за стенкой безработная Таня...

В остальном же всё было замечательно. Машина летела по мёрзлому асфальту птицей, ветер хулигански посвистывал за стеклом. Навстречу, раздваиваясь, летел по-новогоднему красивый снежный лес. А в багажнике подпрыгивала сумка с домашними вкусняшками для сына и снохи. На дне была уложена сверкающая никелевая полочка со всякими финтифлюшками для ванной – подарок снохе. И молчун и воображала водитель Славик (там воображать-то нечего) снизошёл, согласился завезти сумку в нужный микрорайон.

Ляля беспрерывно щебетала, всё равно не было слышно: в последнее время она намеренно перешла на шёпот. Дело в том, что подружка начала стремительно глохнуть – такой конфуз. Носить в ухе блямбочку слухового аппарата – это приговор. Коллегам всё чаще приходилось наклоняться и орать в самое ухо. Выражение лиц у них при этом было: «Ну, глухая тетеря».

Для любой женщины эта ситуация показалась бы безвыходной, поставила пожизненное клеймо оглохшей старухи. Для любой, кроме хитрюшки Ляли. Итак, вниманию дам с проблемами слуха!

Ляля... перешла на шёпот, то есть буквально – едва шелестела. Во-первых, это звучало интимно, загадочно и женственно. Во-вторых, случилась перемена ролей: уже не она, а окружающие превратились в глухих тетерь. Не ей приходилось подставлять ухо – а вчерашние обидчики мучительно напрягали слух, всматривались, чтобы угадать слово по губам. А она мстительно шуршала: «Что это вы, голубчик (милочка), оглохли совсем? Сто раз повторять».

Славик не только довёз Киру в отдалённый район, но и играючи, как нечего делать, взнёс сумку на шестой этаж. Прошёлся по квартире: «Молодые на работе? Неплохо устроились. Своя или снимают? Кредит брали?» Славик недавно женился, ждал ребёнка, хотел брать ипотеку, и его живо интересовал квартирный вопрос.

Кира ему отвечала, нагибалась, вытаскивала из сумки свёртки, раскладывала. Это в морозилку, это в холодильную камеру на верхнюю полку, чтобы молодые сразу заметили.

Окинула придирчивым свекровым взглядом комнату: грязновато. По углам пушисто от пыли, на столе невымытые чашки от кофе, в раковине сковорода с остатками вчерашней яичницы. Ну и славненько, хорошая девочка. Чистюли, до стерильного блеска вылизывающие квартиру – те ещё стервы.

Как-то на работе их трио наткнулось на журнальный тест. Угадывался женский характер по мелочам: по стоптанным домашним тапкам, по форме используемой губной помады, по порядку в сумочке.

Кира ответила честно: в сумке бардак страшный. Чтобы найти визитку или пудреницу, или таблетки, приходится долго рыться или вообще вываливать содержимое на стол.

Зато Ася Петровна и Лялька задрали носы: у них-то в сумочках всё под рукой, строго разложено по отделениям, кармашкам, шик, блеск, тру-ля-ля.

Заглянули в ответы: оказалось, идеальный порядок выдаёт в женщине стервозность, мелочность, взбалмошность, склочность, истеричность и вздорность характера хозяйки. А вот сумочный творческий беспорядок говорит о милой женской рассеянности и лёгкой небрежности, от которой у мужиков сносит крышу. Вот так! У Ляльки и Аси Петровны лица вытянулись.

Кира взглянула на часы: официальная часть праздника в самом разгаре. Ася Петровна подождёт в гужку крашенные губы, может, и наябедничает главбухше про отсутствие Киры. Ничего, перетопчутся. А вот не поможет ли Славик заодно повесить полку? Сын-аспирант не больно дружит с этими шурупами-дубелями.

В ванной было тесно, тепло и сыро (тяги никакой, эдак до плесени недалеко. При okazji нужно завезти вентилятор). Кира скинула кофточку, чтобы не пропотело вечернее платье. Коротенький модный наряд тесно обтягивал её полноватое тело, золотисто поблёскивал, держался на прозрачных силиконовых бретельках и на честном слове. С утра сомневалась, но – спасибо гимнастике и антицеллюлитному массажу – шея, плечи и руки позволяли надеть столь смелую вещь.

– Куда крепить-то?

Кира, оглядываясь, прикладывала полочку: высоко? Низко? Чуть кривовато? Из-за тесноты стояли плотно, почти впритык.

– Нету, говоришь, молодых-то дома? – сипло переспросил Славик.

...Он трудился основательно и интенсивно, как включенный станок. Кира даже пожалела Славикову жену: никакой фантазии, изюминки. Но потом нашла, что в монотонности, заданной размерности – хоть с секундомером сверяй – имеется свой кайф. Не выскользни Кира – Славик бы до вчера не остановился. Пришли бы сын со снохой – и как в гоголевской сцене: «Ах, маменька, какой пассаж!»

Приводя себя в порядок, Кира недоуменно пожала плечами. Что это было?! Никогда, никогда она не изменяла мужьям, даже по молодости, по дурости, – ни первому, ни второму... Поправила волосы, взгляделась – и вдруг заговорщицки подмигнула своему отражению в зеркале.

В машине они не обмолвились словом. По Славикову заносчивому вихрастому затылку было непонятно: намерен он продолжить отношения? Разумеется, Кира откажет: раскатал губу, чего о себе возомнил, сыну ровесник и пр. Или это было простое стечение обстоятельств места, времени и действия, «синдром» бунинского солнечного удара и ночной фиалки?

Так же впереди величественно покачивалась каракулевая папаха Аси Петровны. Лялька что-то чуяла, шевелила острым носиком, вопросительно поглядывала на Киру и на Славика.

Мужики те ещё болтуны, хуже баб, язык ниже колен висит. Кира решила себя обезопасить. Скинула смс-ку Славiku: «Не вздумай трепаться в гараже. Первой узнает жена». Подумала и для страховки ещё добавила: «Пойдут слухи – накатаю заяву в полицию, что насильно». Коротко передохнула. Блин, не жизнь, а сплошные маленькие военные действия.

Незаметно закемарили в тёплом, тёмном, душном салоне. На въезде в город была кольцевая развязка. Кира очнулась оттого, что её сильно швырнуло влево, потом вправо – насколько позволял ремень безопасности. Автомобиль крутило с бешеной скоростью, как фигуристку в пируэтах – на льду.

В фильмах, в момент аварии, пассажиры визжат, орут и молятся богу. Полнейшая фигня: в этот момент держится мёртвая тишина (не считая жуткого скрипа колёс). Остекленевшие глаза, оскаленные или намертво сжатые рты, вцепившиеся, во что пришлось, заочневшие руки.

Потом женщины сверились: мысли у всех были примерно одинаковые. Ася Петровна: «Вот и всё». Лялька: «Это капец». Кира: «Так вот как это бывает». Слава вряд ли вообще что-либо соображал, выкручивая руль, как выкручивают руки врагу в отчаянной, смертной борьбе.

Машину, будто игрушку-юлу, выбросило на встречу и неотвратимо несло под огромные спаренные задние колёса несущейся на всех парах фуры.

В жизни всё решают не секунды, а доли секунды, не метры – а миллиметры. Хотя стёкла были закрыты, Кирино лицо будто опахло соляным жаром огромной машины. В последний момент, сильно вильнув у самого кювета, фура с гневным рёвом промчалась. Хотя водитель мог бы с полным правом остановиться, вылезти и от души выютюжить Славику пухлую мальчишескую физиономию. Вот тебе – уснул за рулём, вот тебе четыре трупа за раз, вот тебе поседевшие волосы, вот тебе гарантированный ранний инфаркт – не хочешь?!

А их машина, как во сне, как снежинка, докручивала замедляющиеся па на пустынной ледяной дороге...

Славик вывалился, его стошнило прямо под колесо. Пьяной походкой ушёл, сел на грязный снежный бруствер на обочине.

Ася Петровна икала. Из Киры будто большой ложкой разом вычерпнули всё нутро, опустошили – осталась одна оболочка. Она выбросила наружу ноги в тонких блестящих сапогах, смотрела из распахнутой дверцы. Вот лес. Вот помаргивают мирные огоньки дальней деревни. Вот морозное небо в игольчатых звёздах.

Просто – жить. Дышать. Смотреть, впитывать, каждую минуту удивляться, благословлять и благодарить. А не скакать зайцем перед начальством и под юнцом, у которого молоко на губах не обсохло. Не молодиться и не кривляться перед нелюбимым мужем. Нелюбимым и не любящим – чего там скрывать от себя самой, это же ясно как день. Не вести каждодневную войну с собой, со всеми, неизвестно с кем.

Надо как Агафья Лыкова. Сосны, снег, тишина... С другой стороны, если Агафья Лыкова заболит – ей тут же стая вертолётов, бригада медицины катастроф из Москвы. За Кирой, прихвати её гипертонический криз или ещё что похуже, никто вертолётов с медицинскими светилками посылать не будет: подыхай!

Возбуждённая Лялька блажила как овца:

– Девочки, это наш второй день рождения! Девочки, каждый год будем его отмечать! Девочки, мы теперь должны всю жизнь пересмотреть! Это Боженька нам пальчиком погрозил!

Больше всех бог погрозил пальчиком Ляльке: отскочившая от панели иконка угодила ей в глаз, под ним стремительно набухал водянистый фиолетово-чёрный синяк.

Ася Петровна толстым трясущимся пальцем тыкала в телефон и не могла попасть. Кира отобрала, позвонила её дочке сама.

Когда остановились у управления, та их уже ждала. Бросилась с пронзительным криком: «Мамочка моя! Никуда тебя больше не отпущу!» Ощупывала Асю Петровну, обнимала, смеялась и плакала. Внучки тоже теребили, висли на бабушке. Перецеловавшись, перемазавшись в слезах и соплях, погрузились в такси, уехали.

На следующий день Лялька пришла с толсто перевязанным глазом. Приподнимала бело-снежный бинт и показывала синяк всем желающим. Трещала направо и налево, что Боженька её персонально отметил. И что ослепнуть от иконы – это даже некое предназначение, знак свыше. Потом спохватывалась и переходила на фирменный шёпот – как сухой песочек сыпался.

Ася Петровна со стуком бросила трубку со словами: «Ты мне больше не дочь! Господи, какое чудовище я произвела на свет!» Дрожащими от обиды руками вынула из стола и залпом выпила колпачок новопассита.

Кира вчера рассказала мужу, как чуть не попали в аварию. «А меня каждое утро *чуть* не сбивают на «зебре», – не отрываясь от телевизора, лениво кинул муж. – Чуть не считается.

За завтраком деланно-равнодушно спросила:

– Ничего в ванной не находил?

– Ты *это* имеешь в виду? – муж брезгливо (как ей показалось), небрежным щелчком ногтя отправил к ней по столу протез.

– Ой, как хорошо, – обрадовалась Кира, – а то Таня обыскалась. Мы с ней позавчера орехи ели. Она верхний протез оставила, нижний сняла, а надеть забыла. Склероз. Только ты ей не говори, а то она ужасно комплексует. И из-за склероза, и что молодая, а уже совершенно беззубая, как старуха. Правда, ужас?

...Нет, всё-таки месть хороша в холодном виде.

СКАЗКА ПРО БЕЛОГО БЫЧКА

– *«Перемен требуют наши сердца! Перемен требуют наши глаза!»* – передразнивал ехидный тенорок за дощатой перегородкой. – *Допрыгались? Допеременькались со своим Цоем? Отдыхают ваши глаза на руинах, в которых великая страна лежит?!*

– Цоя не троньте, – угрожающе предупредил молодой голос.

Даша сидит за перегородкой, распускает, распутывает любимую, некогда модную кофточку, привезённую из Турции. Кофточка от многочисленных стирок свалаялась в сплошной колтун, приходится поддевать и распутывать крючком, ногтями и даже зубами. У неё есть ещё одна трикотажная майка: разберёт – свяжет мужу Сергею ко дню рождения свитер.

Сама Даши в холод не замёрзнет: у неё имеется огромная, как плед, бабулина пуховая шаль, дымчато-серая, мягкая и тёплая, уютно пахнет кошками. Залезть бы под неё, укрыться с головой, зажмуриться, уйти в сон... А проснувшись, сладко потянуться и сказать: «Серёж, какой мне приснился кошмар».

Хорошо, что бабуля научила маленькую Дашу вязать. Мама была из поколения, которое фыркало: «Вот ещё, магазины забиты трикотажем на любой вкус. Тратить жизнь на ерунду! Лучше с подружками в бассейн (вариант: в музей, в театр, в арт-кафе).

Если не вязание – чем бы сейчас занималась Даша, слушая бесконечный спор за перегородкой? Как мыльная опера – сегодня закончат, завтра с того же места начнут. Только кнопки «выкл.» нет.

Хуже торговков на базаре, ей-богу. Почитать бы, пока ясный день на дворе – да противный Василий, четвёртый жилец в их домике, спрятал книги и втихаря пускает на самокрутки. Это он сейчас набросился на Цоя.

– Доигрались до гражданской войны? – не понимает он: – *«И в пульсации вен мы ждём перемен...»* Шибко подозреваю, что те вены давно были тухлые от наркоты. Завезли её в СССР вместе со СПИДом, развратом и прочей заразой. Как и ваших цоев.

– Ещё раз: Цоя не троньте... А не вы, работяги, до этого развратничали? Продавались, за трояк на демонстрации ходили?! – пошёл в наступление крепкий молодой голос. – По рядам поллитровки пускали, у кого руки были не заняты плакатом с рожей из Политбюро? Над шамкающим Брежневым кто потешался? На собраниях кто в ладоши бил, а в курилках шушукался, что профсоюз импортными сапогами торгует? Кто с работы что ни попадя ташил? А в перестройку кто станки бросал и вприпрыжку нёсся к цеховому радио слушать Горбачёва? А? Кричали слесари «ура!» и в воздух кепочки бросали. Не вы?

Тенорок растерялся, пошёл на попятную:

– Да ведь мы, это... Выступали против вранья, пофигизма. Думали, настоящий Хозяин на завод придёт. Как на западе, процветание наступит. А вместо Хозяина – бандюганы налетели. Из великой страны воровскую «малину» устроили.

– Хм, бандиты. Заметьте, родные, доморощенные бандиты. Ваши же комсомольцы-добровольцы с партийных трибун спрыгнули, на лету переобулись, перекрасились.

Когда-то для вставшей с постели Даши не засесть за компьютер – значило не проснуться до конца. Это было как начать день без контрастного душа, без утренней чашки кофе. А нечаянно оставить дома смартфон – хуже выйти голой и не накрашенной! Чувствовала себя беспомощной, одинокой, заблудившейся в лесу.

...*Всё* началось, когда исчезло электричество. Нет, наоборот: когда исчезло электричество, началось *всё*. Для наступления хаоса достаточно нажать кнопку, останавливающую электростанции. Страна погрузилась в мрак, холод и тишину.

Нет электричества – нет жизни. Самое страшное, чудовищное – **НЕТ ИНТЕРНЕТА!** Не течёт вода из крана, нет свежих продуктов, горячей ванны, чистого белья и посуды. Уми-

рает бытовая техника, без которой жизнь отшвыривает современную женщину на полтора века назад. Особенно тяжело, если это горожанка в пятом поколении, как Даша.

Из властелинов, небрежным щелчком клавиши открывающих Вселенную – превратиться в дрожащих голеньких слепышей, ползающих в поисках тепла и еды...

В кладовке Даша наткнулась на связку свечей. Готовясь к миллениуму, накупили потехи ради. Дурачились, смеялись, прикалывались по поводу конца света. Свечи были китайские, дрянные – как всё китайское. Слиплись, превратились в грязно-серый ком – но как же все несказанном им обрадовались.

– Ты, Василий, вот что объясни. Что за такая великая страна, что пальчиком её ткнули – и она грохнулась вдребезги? Схлопнулась, сдулась со свистом в один момент? – крепкий молодой голос принадлежит Дашиному мужу Сергею. В настоящий момент он кашеварит у печи: заправляет постный картофельный суп жареным луком.

Сейчас Васька подскочит, птицей взмоет под потолок. Взвизгнет, что не в один момент, не-ет! ЦРУ-шники до-олго, тща-ательно готовили в массах недовольство и социальный взрыв – пустыми полками, злыми очередями.

Вот как такое объяснить чудо чудное, диво дивное? По всей стране заводы и фабрики вкалывали в три смены, фермы и мясокомбинаты выдавали ежедневно горы продукции. Куда всё девалось, а?! Ага, то-то же! Ясно куда: выливали молоко, жгли масло и мануфактуру. Всё это проделывалось под грифом «совершенно секретно» по приказу сверху – потому что во власти на всех уровнях сидели продажные шкуры.

– Не-ет уж, обратимся к хронологии событий (Василий торопится, глотает буквы, получается «хронология»). *Ваши* же зубоскалы, жучки-древоточцы давно точили страну изнутри... Начиная с пакостей, с хихиканья над советскими идеалами... Кукиши в кармане – вот вы кто.

За перегородкой слышно, как Василий сучит дратву. Опутал комнату нитками как паутиной и ширкает по ним куском гудрона. Собирается подшивать всем валенки, свежённые когда-то в огородный домик за ненадобностью. Прикладывает, примеривает валяные подошвы: большие мужицкие, маленькие Дашины. Но, ради такого дела, валенки отложил.

– Помните, в семидесятые сплошная катавасия с газетными заголовками началась? Якобы опечатки: «*ПЕЗДА пошли по ленинским местам*». «*Первый самолёт С ЯЙЦАМИ*» «*Академический ордена Дружбы народов цыганский ХЕР*». А когда народ праздновал 60-летие Советской власти – по всей столице афиши развесили: «*60 лет советского цирка*».

Я потому хорошо запомнил? По просьбе деда, ветерана войны, жалобу в КГБ писал. Не знали мы, что в государственной безопасности уже всё продано-перепродано, – горько подытоживает Василий, принимаясь за валенок. Но снова не выдерживает, возвышает голос: – Веселились, потирали ручонки. Новые пакости задумывали: с запрещёнными книжками, с мерзкими этими анекдотами, с протезами...

– Какими ещё протезами? – искренно изумляется Сергей.

– С брежневскими – теми, что во рту клацали! У генерального секретаря! Посмешище на весь мир. Не могли будто нормальные зубы вставить дантисты из 4-го управления? Зубоскалили над стариком, прыскали в кулачок, издевались. А с гагаринскими шнурками фокусто не прошёл? Не прошё-ёл, юмористы вы наши.

Серёжин голос удивляется:

– Гагарина приплели, шнурки какие-то.

– А то не знаете. Идёт, значит, первый в мире космонавт по ковровой дорожке, по Красной площади. Идёт докладывать первым лицам государства о выполнении задания, печатает шаг. Все телевизионные станции мира работают, всё население Земного Шара затаив дыхание смотрит.

И тут... шнурок на ботинке развязывается, у Юры-то! И волочится змейкой, и если он на него наступит и упадёт на виду у всего мира... То-то бы *ваши* гадостно возликовали. А наши

люди молились: только не споткнись, милый ты наш владимирский паренёк! Только не упави, дорогой товарищ и народный герой! Бог не попустил: дошёл, не споткнулся.

– Бога вспомнили, – проворчал Сергей. – А тогда ликовали: Гагарин Землю облетел – бога не встретил. Бабкам говорили: нету бога-то! Лихо же вы переобушаетесь, в свете решений партии и правительства.

– Теперь задачка на миллион, – не слушал Василий. – Как это у военного лётчика в ответственный, самый важный в жизни момент вдруг развязывается тугой шнурок? Отвечаю: да не развязывался он! Подрезали его! Всё заранее рассчитали, храбрые портняжки.

– Вот что. Полечитесь, дружок, от паранойи, – вступает приятный басок Дашиного свёкра Сергея Ильича. – Не тех в семидесятые сажали в дурку. Читал я ваши красно-коричневые газетёнки. Шизофренический бред о якобы искусственном дефиците. Ага, цистернами сливали молоко в речки, масло в землю закапывали. Рулоны ткани и тюки с одеждой вывозили с чёрного хода и жгли на свалках, а женщины в очередях за ситцем давились... Чем только не оправдываете ваше советское плановое разгильдяйство.

Слова в бородастых устах звучат мягко, как у детского доктора – каковым Сергей Ильич и являлся в *мирной* жизни.

Недавно на ноябрьских за столом вспыхнул сто очередной диспут. Васька тогда так расстроился, что один втихаря вылакал целую поллитровку. Грохнул по столу кулаком, загнул такой мудрёный, десятиэтажный ужасный мат – стёкла в окошках звенькнули. А Сергей Ильич невозмутимо поправил очки, и только наивно и простодушно переспросил:

– Простите, не расслышал. Не могли бы вы повторить?

Василий в *мирной* жизни занимался шабашкой. («Ещё чего, буду на государство это хребет гнуть!») Подавал на Авито объявления: «Муж на час».

Шабашники бывают разными: Василий, например, на выход носил лакированные штиблеты, костюм с галстуком и запоем читал библиотечные «патриотические» книжки. Активно участвовал в митингах, с трибуны рубил воздух ладонью. «Интеллигентов» презирал и рассказывал, как легко обдурял их.

– Вызывают в панике: караул, холодильник изнутри затопило, всё течёт! Смотрю: ага, слив грязью зарос, очень просто. Щас объясню, задачка для второклассника. Задняя стенка внутри агрегата в каплях, её ещё плачущей называют. Капли ползут в дырочку, оттуда в шланг, а шланг в лоток под холодильник. И вот шланг забило. А эти, млин, кандидаты со степенями, дотумкать не могут.

О, говорю, хозяйева, дело пахнет керосином. Работы не меньше чем на два часа. Дислоцируюсь основательно. Прошу всю снедь вынуть, агрегат выволакиваю в середину кухни. Требую тряпки, много тряпок. Тросиком – тут любой метровый проводок подойдёт – чищу слив ровно десять секунд. Для эффекта ковыряюсь, бормочу под нос, устраиваю грязную лужу на полу... Айн, цвай, драй – готово!

Хозяйева только что ручки не целуют. Меньше тыщи не беру – неплохо за десять-то секунд? А это столько ваша глупость стоит, господа кандидаты.

– Мелкий жулик, – констатирует Сергей.

– А то ещё был случай, – мечтательно вспоминает Василий. – Срочный вызов: не работает стиральная машинка! А это катастрофа для любой дамочки, вон Дарья Робертовна подтвердит. Тэк-с. Не спеша раскрываю волшебный чемоданчик, копаюсь, раскладываю на тряпочке шпунтели-мунтели. Включаю машину – мёртвая. Проверяю розетку: молчит. Разбираю: всё целёхонько. Идём дальше: на лестничной площадке открываю щиток. Так и есть: выбита одна пробка. Мизинчиком водворяю её на место – и чики-брыки!

Ну, потом, конечно, для вида снимаю у стиралки заднюю крышку, гремлю инструментом. Хозяйева смотрят на меня как на бога, на гения, на нобелевского лауреата. Вот так. А надо немножко дальше книжек видеть, учёные – пироги печёные, яблоки мочёные.

Характер у Василия суматошный, вредный, но руки золотые. Он и домик утеплил, благо стройматериала вокруг на брошенных участках – на любой вкус. И русскую печь сложил, натаскав кирпичей из соседского двора.

А когда Сергей Ильич вышел за сушняком и заблудился – его, полузамёрзшего, притащил на себе он же, Василий. Даша с мужем уже всякую надежду потеряли, излазили весь лес вокруг, сорвали голоса. Даша в отгороженной спальне тихонько рыдала.

Выяснилось: старик заблудился в трёх соснах, в трёх шагах от дома, ползал по снегу кругами. Первая же еловая ветвь сбила с его носа очки – и сделала абсолютно слепым и беспомощным. Очки недавно откопал из снега под елью Василий: дужка торчала.

А пока сослепу Сергей Ильич успел в доме набедокурить. На улицу его не выпускали: сильнейший гайморит. Решил сделать полезное дело: сварить на обед кашу. Нашёл в банках запечатанную гречку. А оказалось, то был гранулированный кофе – на цвет и ошупь, и правда, похоже крупинки гречки – при сильнейшем насморке не отличить. Начал кашеварить, удивляясь, отчего каша не густеет... Запах не чувствует – насморк.

Даша вошла – аромат в доме умопомрачительный, как в кофейне, как в десяти кофейнях сразу! Вязкая чёрная кофейная жижа застыла битумом, после пришлось выковыривать ножом. Остались без драгоценного запаса кофе.

... – По китайскому пути надо было идти, по китайскому! – стоит на своём Василий. – Не истерить, не блажить с трибун, как Горбачонок: «Долой КПСС!» – а тихо-мирно выправлять экономику. Не сионистским журналом «Огонёк» прилавки забивать, а бытовыми товарами. Спокойно удовлетворить потребности населения – и всё! Жила бы страна родная, и нету других забот.

Народ без идеологии оставить – то же самое, что матку из муравейника вытащить – пропал муравейник. Или как хребет человеку перебить, упадёт как варёная макаронина. Горбачёв хребет стране и перебил.

Вот молодцы, китайча! Нынче у них весь мир под мышкой пищит и ножками сучит. Верно говорят: дурак на своих ошибках учится, а умный на чужих. Да почему мы-то вечно на грабли наступаем?!

– Вы сами и ответили на свой вопрос, – деликатно замечает Сергей. Они все уже сидят за столом, хлеблют обжигающий суп.

– Не скажи, Серёжа, – мягко возражает свёкор. Он несказанно рад найденным очкам, и то и дело трогает их за дужку: проверяет, на месте ли. – В стране дураков не придумали бы радио, телевизор, электричество, самолёт, периодическую таблицу химических элементов...

После ужина дискуссия продолжается.

– В сущности, в Китае настоящего социализма и не было. Так, копировали, подражали. Подыгрывали Старшему Брату, – рассуждает Сергей. Он у печи с треском ломает сухие веточки для растопки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.